

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ИЗРАИЛЕ

ЛЮДМИЛА САМАРСКАЯ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Демократическая система Израиля сталкивается с вызовом. Пять раундов парламентских выборов за три с половиной года завершились созданием относительно устойчивой правительственной коалиции в конце 2022 года, однако политическая нестабильность сохранилась и вылилась в масштабные общественные протесты против деятельности нового кабинета (в особенности попытки провести судебную реформу). Кризис при этом сопровождается активной популистской риторикой разнообразных политических игроков, в том числе израильских правых партий, вошедших в состав коалиции. Популизм – явление, характерное для значительного числа стран. Израиль в этом смысле не исключение. Данный феномен начал постепенно занимать центральное место на его политической арене начиная с 1970-х годов. К 2020-м годам большинство значимых партий страны имели более и менее выраженные популистские элементы в своей риторике. Это во многом связано с неоднородностью израильского общества, наличием в нём значительного количества межсектариальных противоречий, заложенных ещё при создании государства и со временем лишь усугубившихся. Дополнительную роль играет неразрешённый палестино-израильский конфликт. Правопопулистские партии в стране имеют много общего с аналогичными движениями в других государствах, хотя их и отличает ряд специфических черт. Так, они зачастую сочетают инклюзивный и эксклюзивный популизм, под коллективным «мы» подразумевают преимущественно евреев, противопоставляют себя как арабскому населению страны, так и иммигрантам-нееврейцам, а также считают приоритетным еврейский характер государства в противовес демократическому. Они при этом не отрицают значимость демократии как таковой, но видят её воплощение по-своему. Не являясь причиной парламентского кризиса в стране, израильские правые популисты участвуют в его обострении, провоцируют нагнетание и без того значительной межсектариальной напряжённости и сужают возможности для диалога с другими политическими силами.

Ключевые слова:

правый популизм; демократия; Израиль; политический кризис; судебная реформа

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2023

Дата принятия к публикации: 25.08.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: saluma@imemo.ru

С конца 2010-х годов политическая система Государства Израиль, по оценкам обозревателей и исследователей, находится в состоянии глубокого кризиса: казавшийся бесконечным цикл парламентских выборов, противоречивость фигуры Биньямина Нетаньяху, приход в правительство крайне правых элементов, попытки радикального реформирования судебной ветви власти, массовые протесты – все эти факторы стали его следствием и свидетельством. В то же время нынешние социально-политические противоречия – лишь одна из страниц истории длительного сбоя израильской демократической системы, который во многом является результатом тех особенностей, которые были заложены в неё изначально. Среди них – отношения религии и государства, неразрешённый палестино-израильский конфликт, крайняя этноконфессиональная и социальная разнородность общества, вопросы еврейской и сионистской идентичности и многое другое.

Возможна различная трактовка хронологических границ нынешней политической нестабильности в Израиле, но формально её началом стал 2019 год, когда Биньямин Нетаньяху после победы своей партии «Ликуд» на весенних выборах не смог сформировать коалицию. С 2019 по 2022 г. дважды создавались ротационные правительства¹ (Нетаньяху–Ганца (2020) и Беннета–Лапиды (2021)), однако ни одно из них не смогло просуществовать дольше года. Цепь электоральных циклов завершилась в конце 2022 года, когда в результате пятых за три с половиной года выборов было сформировано тридцать седьмое правительство Израила, которое вновь возглавил Биньямин Нетаньяху². Вместе с тем

создание нового кабинета свидетельствовало об окончании лишь одного из этапов кризиса. Остроту противоречий в израильской демократической системе ярко продемонстрировал раскол по вопросу реформирования судебной ветви власти, который коалиция подняла в первые же месяцы своего функционирования, что спровоцировало выход на улицы сотен тысяч израильтян, которые с её позицией оказались несогласны³.

В связи с этим возникает вопрос: как связан популизм и ныне происходящие события в Израиле? Популизм, по общему мнению, не был причиной генезиса политического раскола в стране, и не он спровоцировал одни из самых массовых протестов в истории еврейского государства. Его роль в наблюдаемых процессах тем не менее значительна. Популистская риторика в Израиле – точно так же, как и в странах Европы и Америки – является серьёзным фактором, воздействующим на особенности политического ландшафта страны, градус введущихся в ней дебатов и инструменты, использование которых политические деятели и партии считают возможным. В частности, позиции крайне правых сил, которым присущ популизм, влияя на тон заявлений мейнстримных политических деятелей и движений, для которых, впрочем, также характерна популистская риторика.

Цель настоящей статьи – определение специфики правого популизма в Израиле, а также той роли, которую он играет в продолжающемся политическом кризисе. В рамках исследования автор поставил перед собой следующие задачи. *Во-первых*, обобщить существующие в науке представления о политическом популизме в целом,

¹ Ротационное правительство – правительство, в течение каденции которого происходит ротация на посту премьер-министра.

² В него вошли правый «Ликуд», ультраортодоксальные «Яхадут ха-Тора» и ШАС, крайне правые «Религиозный сионизм», «Оцма Йехудит» и «Ноам».

³ Peleg B., Hashmonai A., Breiner J., Haj D., Freidson Y., Freidson Y. Hundreds of Thousands Take to the Streets, Vow Netanyahu's 'Pause' Won't Quell Anti-judicial Coup Protests [Электронный ресурс] // Haaretz. 02.04.2023. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2023-04-02/ty-article/premium/hundreds-of-thousands-take-to-the-streets-vow-netanyahu-pause-wont-quell-protests/00000187-3e5c-db91-adcf-3f5f91860000> (дата обращения: 21.09.23).

а также установить, какими особенностями обладает его израильский вариант. *Во-вторых*, проанализировать, каким образом подобная риторика стала неотъемлемой частью израильской политической системы. *В-третьих*, определить причины столь значимой её роли в еврейском государстве. *В-четвёртых*, обозначить проявления популизма в контексте наблюдаемого кризиса. Выбор правых популистских движений в качестве основного объекта исследования связан с тем, что именно они во многом являются свидетельством и фактором радикализации израильского политического дискурса. Центристские популистские партии (например, «Еш Атид») представляют собой отдельный исследовательский кейс.

Израильский политический кризис неоднократно привлекал внимание и зарубежных, и российских исследователей. Речь идёт о книге под редакцией Михаль Шамир и Гидеона Рахата, статьях Майи Марк, Эяля Ховерса, Моше Маора, Раанана Сулитцеану-Кенана и Давида Шинитца, Т. А. Карасовой и З. Ханина, В.В. Блинова, Я.С. Брилевской и других специалистов [Mark 2023; Chovers 2023; Shamir, Rahat 2022; Maor, Sulitzeanu-Kenan, Chinitz 2020; Карасова, Ханин 2022; Блинов 2020; Брилевская 2023]. Существует множество аналитических материалов. Они публикуются израильским INSS⁴, итальянским ISPI⁵, немецким SWP⁶ и другими исследовательскими институтами.

Популизм в целом – явление, к которому многократно обращались исследователи. Среди зарубежных авторов его рассматривали, в частности, Маргарет Канован, Кас Мюдде, Эрнесто Лаклау, Люк Марч, Кристофаль Ровира Кальтвассер, Ян-Вернер Мюллер, Маттаис Родайн, Ларри Бартелс

[Canovan 1999; Canovan 2004; Mudde 2004; Mudde 2010; Laclau 2005; March, Mudde 2005; March 2017; Mudde, Kaltwasser 2012; Populism in Europe and the Americas... 2017; Müller 2016; Rooduijn 2018; Bartels 2023]. В российской политологической школе интерес к популистской идеологии также заметно высок: она оказывалась в фокусе исследований Г.И. Вайнштейна, П.В. Осколкова, Л.М. Соколышица, М.И. Сигачёва, А.И. Тэвдой-Бурмули и других [Вайнштейн 2013; Вайнштейн 2017; Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018; Осколков 2019; Соколышиц 2021a; Соколышиц 2021b; Сигачёв, Слепцов, Фадеев 2021; Бардин, Сигачёв 2021].

В то же время израильский популизм остаётся менее изученным. Существует ряд зарубежных исследователей, детально изучавших особенности подобных партий, движений и лидеров в еврейском государстве. Имеет смысл выделить Дани Филка, Гая Бен-Пората, Нааму Вайсс-Янив и Керен Тененбойм-Вайнблатт, Джонатана Дж. Лесли и других [Filc 2010; Filc 2019; Ben Porat, Filc 2022; Weiss Yaniv, Tenenboim-Weinblatt 2017; Leslie 2017]. В России это явление пока не получило должного изучения. Помимо этого, связь правого популизма и нынешнего израильского политического кризиса ранее подробно не была изучена. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Что такое популизм?

Популизм – явление с длинной историей. Американскую Народную партию и российское народничество, активно действовавшие во второй половине XIX века, иногда характеризуют как популистские движения [Müller 2016: 18–19] – то есть обращавшиеся к народу, не вовлечённому в политический процесс. В XX веке попу-

⁴ Elran M., Deitch M. Israel's Judicial Revolution, Social Resilience, and National Security. INSS Insight No. 1692 [Электронный ресурс] // INSS. 27.02.2023. URL: <https://www.inss.org.il/publication/reform-and-social-resilience/> (дата обращения: 21.09.23).

⁵ Israel: No Break to a Political Crisis [Электронный ресурс] // ISPI. 30.06.2022. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/israel-no-break-political-crisis-35609> (дата обращения: 21.09.23).

⁶ Lintl P. Israels Justizreform – eine Zerreißprobe für den Staat: Drei Szenarien [Электронный ресурс] // SWP. 30.03.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/israels-justizreform-eine-zerreißprobe-fuer-den-staat-drei-szenarien> (дата обращения: 21.09.23).

листы появились в Латинской Америке, Канаде и Европе [Populism in Europe and the Americas... 2012: 3–4], а также в странах Азии и Африки [de la Torre 2019: 1]. Некоторые из старейших подобных партий на европейском континенте были основаны в 1970-х годах⁷ в качестве реакции на кризис послевоенного «государства всеобщего благосостояния» [Rivero 2019: 287]. Начиная с 1990-х годов они стали неотъемлемой и активной частью политического ландшафта как в развитых, так и в развивающихся странах [Filc 2010: 6]. Наибольшее внимание общественности (а не только научного сообщества) это явление привлекло в 2010-х годах с приходом к власти в США Дональда Трампа и выходом Великобритании из Европейского Союза: оба этих события представляют собой яркое проявление популистской политики.

Что подразумевает термин «популизм»? Существует множество его определений [Müller 2016; Jansen 2011; Осколков 2019: 14–15]. Одним из классических считается вариант, предложенный голландским исследователем Касом Мюдде. По его мнению, это «идеология, которая считает общество ... разделённым на две гомогенные и антагонистические группы, “чистый народ” против “коррупцированной элиты”, и которая утверждает, что политика должна быть выражением *volonté generale* (общей воли) народа». Мюдде также называет популизм «идеологией с разреженным центром» (*thin-centered ideology*), что даёт ему возможность сочетаться с другими идейными установками всего политического спектра [Mudde 2004: 543–544] — от крайне правых до крайне левых. Впрочем, не все рассматривают его как полноценную идеологию именно в силу его высокой адаптивности [Осколков 2019: 15–17]. Большинство исследователей, однако, сходятся в том, что, *во-первых*, это явление, которое имеет антиэлитистский характер и фокусируется на «антагонистических отношениях доброго народа и злой элиты»,

ставя «народ» (что бы под ним ни подразумевалось) в центр своей риторики; а *во-вторых*, это скорее набор идей, чем полноценная идеология, что позволяет популистам привлекать электорат самой разнообразной политической ориентации [Roosdijjn 2018: 353–354].

Для популизма также характерны широкое обобщения и моралистические суждения. По утверждению британского исследователя Джонатана Лесли, «претендуя на моральный авторитет, популисты превентивно подрывают легитимность любой оппозиции, подразумевая, если не заявляя открыто, что любое оспаривание их идеи аморально, порочно или объективно неверно» [Leslie 2017: 76]. В этом смысле удобным инструментом оказывается религия: она позволяет обоснованно исключать «чужих» и служит одной из самых эффективных структур для мобилизации своих сторонников. Зачастую будучи надэтнической, она в то же время может включать и национальный элемент, органично встраиваясь в правую идеологию. Религиозный компонент может быть интегрирован как в инклюзивный, так и в эксклюзивный популизм [Ben Porat, Filc 2022: 66–68] — две большие группы данного явления.

Оба этих вида подразумевают разделение общества на «нас» и «их», однако используют различную риторику. Инклюзивисты рассматривают «исключённые социальные группы как единый субъект», эксклюзивисты же «исключают “другого” для сохранения коллективных субъектов, которые чувствуют угрозу своей идентичности» [Filc 2010: 12]. В то время как первые борются за включение в политический процесс определённых сообществ, вторые выстраивают свою идентичность на отторжении «чужих». Все эти группы конструируются в зависимости от политических потребностей, что делает их границы относительно подвижными. При этом они могут основываться на реально существующих (в той степени, в которой реальна любая социальная груп-

⁷ Как, например, французский «Национальный фронт» (1972), норвежская (1972) и датская (1973) Партии прогресса [Rivero 2019: 287–288].

па, то есть относительно устойчивых) дихотомиях и противоречиях, акцентируя внимание на сходствах и различиях и особо подчёркивая их, что зачастую приводит к усилению напряжённости в отношениях между сообществами.

Особенность именно правого популизма заключается в ключевой роли националистических идей в его риторике [Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018: 21]. Помимо этого, для эксклюзивной его разновидности также характерно восприятие народа как «этнически или культурно гомогенной целостности, исключаящей работников-мигрантов, этнические меньшинства или другие группы, которые изображаются как угроза органической нации» — нативизм [Ben Porat, Filc 2022: 65]. По выражению израильского исследователя Дани Филка, «в то время как его [эксклюзивного популизма] главной чертой является маргинализация иммигрантов или определённых этнических групп, для других групп радикально правый популизм представляется путём борьбы со своей собственной маргинализацией» [Filc 2010: 18]. В то же время, как отмечает российский исследователь П.В. Осколков, существенное отличие популистских движений от радикальных и экстремистских заключается в том, что первые позиционируют себя «в качестве органического элемента политической системы» и стремятся «прийти к власти, привлекая электорат в рамках сложившихся демократических процедур» — в отличие от последних, которые функционируют «вне системного политического поля» [Осколков 2019: 12–13].

Для популизма в целом характерна особая значимость фигуры лидера, зачастую харизматического, — хотя этот признак и не относится к числу первостепенных. По словам Д. Филка, «роль лидера является ключевой для инклюзивных популистских движений, поскольку он или она становится олицетворением исключённой группы» [Filc 2010: 14]. При этом руководители подобных движений, утверждая, что они не входят в традиционные круги политической элиты, а потому представляют «про-

стой народ», как правило, хотя и не всегда, вполне принадлежат к истеблишменту: они относятся к той же социальной прослойке, классу, доминирующей этнической группе или же в принципе имеют значительный политический опыт [Mudde, Kaltwasser 2017: 73–74].

Популизм нередко воспринимается как угроза либеральной демократии (и даже как свидетельство её кризиса), который несёт в себе риск её превращения в мажоритарную, для которой характерна диктатура большинства [Mudde 2004: 561]. При этом сами популисты нередко говорят о приверженности демократическим ценностям и исполнению воли народа, хотя и трактуют их по-своему. Вопрос, таким образом, заключается не в том, остаётся ли страна демократической после прихода к власти популистов, а в том, какая модель демократии может быть в ней реализована.

Особенности израильского популизма

Израильский кейс имеет ряд общих с прочими странами черт, но обладает и своими — во многом уникальными — особенностями. Одним из подобных факторов является специфика политического спектра, в котором левые и правые партии традиционно различались не только подходами к экономической политике (более социально или рыночно ориентированными), но и более мягкими (dovish) или жёсткими (hawkish) позициями в отношении разрешения арабо-израильского конфликта, причём последнее стало доминирующим начиная с 1990-х годов [Shapira 2021: 84]. Правый популизм в Израиле в итоге оказывается неразрывно связан с вопросом положения арабского населения и внутри международно признанных границ, и на оккупированных территориях Западного берега реки Иордан (сектор Газа требует отдельного рассмотрения, поскольку контроль Иерусалима над ним имеет несколько другой характер).

В стране, так же как в Европе и США, всё чаще звучат опасения, что те изменения, которые происходят во внутренней политике (дрейф электората «вправо», избрание

в государственные структуры ранее маргинальных элементов), могут иметь критические последствия для её демократического устройства. Будучи вполне объяснимыми, эти мнения основываются на том, что Израиль является либеральной демократией [Neuberger 2016: 710], что, по мнению некоторых специалистов, не совсем так. С точки зрения израильского исследователя Орена Ифтахеля, он представляет собой этнократию — режим, продвигающий «расширение доминирующей группы на спорной территории и её доминирование во властных структурах при сохранении демократического фасада» [Yiftachel 2006: 3]. В качестве аргументов учёный приводит отсутствие равных с евреями прав у арабского меньшинства, наличие в израильском обществе этноклассов («культурных общностей, связанных своими материальными, географическими и политическими позициями» [Yiftachel 2006: 103]), «иудаизацию» Израиля и политику «ползучего апартеида». Наглядным свидетельством являются разные возможности в реализации своих гражданских прав у различных слоёв общества в зависимости от их этнической или субэтнической принадлежности [Yiftachel 2006: 102–110, 126–127].

С этим не вполне согласен израильский исследователь Самми Смуха, который полагает, что к стране может быть применимо определение «этнической демократии», подразумевающее наличие функциональных, а не только формальных (в отличие от этнократии) демократических процедур, гражданских прав и свобод у всего населения вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности. По его мнению, Государству Израиль присущ «институционализированный контроль» «этнического большинства», защищающегося таким образом от «внутренних и внешних угроз» [Smooha 2016: 681–682].

Подобное разнообразие определений во многом объясняет причину апеллирования большинства израильских политических сил, включая и популистские, к приверженности демократическим ценностям.

Все эти партии и движения различаются преимущественно видением формы реализации демократической системы еврейского государства: либеральной, мажоритарной, этнической, этнократической. В этом смысле на риторическом уровне борьба между левыми и правыми в стране — это противостояние сторонников либеральной и мажоритарной демократии соответственно, а на деле — этнической демократии и этнократии (хотя эта дихотомия, как правило, не артикулируется), поскольку арабское сообщество преимущественно остаётся за рамками этой борьбы. Одним из ключевых вопросов, определяющих содержание дискуссии о характере израильской политической системы, является соотношение в ней «еврейского» и «демократического», то есть этноконфессионального или либерально-светского, компонентов. Все эти факторы, разумеется, отражаются на специфике популистских движений в стране.

Израильский правый популизм, в отличие от европейского, перестал занимать маргинальное положение ещё в 1970-х годах, когда к власти пришла партия «Ликуд». Как и истоки большинства других израильских политических движений, её история уходит корнями в догосударственный период, время существования еврейского ишува в Палестине, а именно — в 1920-е годы, когда появилось ревизионистское течение сионизма во главе с Зеэвом Жаботинским. Ревизионисты выступали против умеренной программы Сионистской организации по постепенному построению «национального очага для еврейского народа» и за распространение суверенитета на всю территорию исторической Эрец-Исраэль [Barzilai, Shain 1991: 346–347]. Отделившись от Сионистской организации, в которой доминировали общие сионисты и социалисты, они создали параллельный ей Союз сионистов-ревизионистов, а также собственные военизированные формирования: ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ. После создания государства ревизионисты встроились в израильскую партийную систему в виде движения «Херут», вошедшего в «Ликуд» в 1973 году [Звягельская 2012: 29, 51–52, 183].

Существовало несколько факторов, в наибольшей степени повлиявших на приход к власти правого «Ликуда» в 1977 году. *Во-первых*, победа Израиля в Шестидневной войне (5–10 июня 1967 г.) и захват территорий Восточного Иерусалима, Западного берега реки Иордан (ЗБРИ), Голанских высот, сектора Газа и Синайского полуострова вновь сделали актуальной концепцию «Великого Израиля», ранее поддерживавшуюся ревизионистами. *Во-вторых*, высокая цена войны Судного дня (6–25 октября 1973 г.) значительно пошатнула позиции социалистической партии «Авода» (до 1968 года – МАПАЙ), доминировавшей в израильской политике с 1948 года, не говоря уже о периоде ишува⁸. *В-третьих*, демографический состав Израиля претерпел с 1948 г. определённые трансформации в силу иммиграции в страну значительного числа восточных евреев (мизрахим/сефардов), существенно отличавшихся в том числе в культурном отношении от европейских евреев (ашкеназов), которые играли ведущую роль в «Аводе» и, соответственно, составляли большинство израильской политической элиты. Мизрахим были гораздо более религиозными, чем ашкеназы, и к тому же ощущали дискриминацию с их стороны, что порождало запрос на изменения. *В-четвёртых*, социалистическая повестка левоцентристских партий постепенно теряла свою привлекательность для израильского среднего класса, приоритеты которого в экономическом смысле были иными [Shapira 2021: 76–80].

«Ликуд» сумел использовать весь комплекс сложившихся противоречий против социалистов: более низкое, чем у ашкеназов, социальное положение мизрахим, фактическое отсутствие альтернативы «Аводе», доминировавшей в большинстве государственнообразующих структур⁹, а также в киб-

буцианском движении¹⁰, «противоречия между социалистическим дискурсом [правящей партии] о классовом равенстве и эксклюзивными и несправедливыми практиками правительств и институтов “Аводы”». Все эти пункты были интегрированы в антиэлитистскую риторику «Ликуда», подчёркивавшего свою связь с народом.

Параллельно партия перестраивала национальный нарратив таким образом, чтобы включить в него мизрахим. С одной стороны, они выделялись как особая группа со своими проблемами и запросами. С другой – подчёркивалось их единство со всем еврейским народом. Эта риторика способствовала как большему символическому включению восточных евреев в политический процесс, так и большему исключению из него арабского населения. В этом смысле популизм «Ликуда» сочетал в себе одновременно инклюзивные и эксклюзивные черты [Filc 2010: 19–35]. В партии также всегда была очевидна значительная роль харизматического лидера: на первоначальном этапе – Менахема Бегина, на настоящем – Биньямина Нетаньяху. Оба они при этом – не мизрахим, а ашкеназы по своему происхождению.

Тем не менее впоследствии дискурс «Ликуда» несколько изменился и стал эксклюзивным в гораздо большей степени. Хотя для партии в целом характерны правоконсервативные позиции, её риторика содержит значительное количество элементов, позволяющих определить её и как правопопулистскую. Обвинение всех, кто не согласен с политикой партии, в «левизне», предательстве еврейских ценностей и национальных интересов, делегитимация не только арабских партий, но и сотрудничества с ними, борьба против «элит» в виде Верховного суда и (зачастую) СМИ, против приезда мигрантов-неевреев – всё это

⁸ Еврейский ишув в Палестине – совокупность проживавших в Палестине евреев до создания Государства Израиль в 1948 году.

⁹ В том числе в Гистадруте, общезраильской профсоюзной организации, на деле выполнявшей самые разнообразные функции, а также игравшей роль одного из крупнейших работодателей.

¹⁰ Киббуцианское движение – движение, существовавшее с 1910-х годов и инициированное сионистами-социалистами, в рамках которого создавались сельскохозяйственные коммуны (киббуцы).

характеризует дискурс «Ликуда» в настоящее время [Filc 2019: 396–398; Ben Porat, Filc 2022: 74–76].

Ещё одной популистской партией считается ультраортодоксальная ШАС, появившаяся в Израиле в 1980-е годы и ориентированная на ультраортодоксов-мизрахим/сефардов. Она, по утверждению Д. Филка, «представляет инклюзивные характеристики в рамках эксклюзивных границ религиозной принадлежности» [Filc 2019: 394]. ШАС выстраивает свою риторику на противопоставлении мизрахим (традиционных и религиозных) как «простого народа» и ашкеназов (светских) как «элиты», а также на дихотомии «евреи – неевреи». Партия при этом не отвергает израильских арабов как «нежелательных» граждан [Ben Porat, Filc 2022: 77–80] – что, вероятно, связано с некоторой степенью культурной общности с ними евреев, чьё происхождение связано с арабскими странами. Одним из лидеров-харизматиков в случае ШАС является Арье Дери – еврей марокканского происхождения.

Создание партии репатриантов из бывшего СССР «Наш дом Израиль» в 1999 г. означало возникновение на израильской политической арене ещё одного право-популистского движения. Новая группа русскоязычных эмигрантов, столкнувшись с интеграционными сложностями из-за преимущественно светского характера их идентичности, стремления к сохранению и использованию русского языка, отсутствия принятия со стороны коренных израильтян, сформировала особую субэтническую идентичность [Al-Haj 2002: 59–61]. Дискурс НДИ (на настоящем этапе – в несколько смягчённом виде в силу большого размывания «русско-израильской» идентичности и, соответственно, её электората, а также обострения других противоречий в израильском обществе) включает в себя, по выражению Д. Филка, «нативизм и ксенофобию, антиэлитистскую концепцию общества, антилиберальное представление о демократии и веру в сильное, авторитарное государство» [Filc 2019: 396]. Позиция Авигдора Либермана

в качестве лидера партии пока не подвергалась сомнению.

На израильской политической сцене также действует ряд крайне правых партий, которые можно квалифицировать как популистские. Этот кейс представляет особый интерес для исследования в силу его слабой изученности. Среди наиболее ярких подобных примеров – «Религиозный сионизм» («Ткума») и в особенности «Оцма Йехудит». Их главы – Бецалель Смотрич и Итамар Бен-Гвир, министры в тридцать седьмом правительстве Израиля под руководством Биньямина Нетаньяху. Эти партии имеют общие черты: принципиально эксклюзивная риторика, борьба с левыми «элитами», представленными судебной системой и СМИ, приоритетность еврейского характера государства над его демократичностью (при приверженности демократической системе) и стремление к сохранению и закреплению еврейского доминирования на территории от Средиземного моря до реки Иордан. Одна из значимых групп, составляющих их электорат, – национально-религиозные поселенцы, активно заселяющие в том числе части Западного берега.

И «Религиозный сионизм» (созданный в 1998 г. выходцами из МАФДАЛ), и «Оцма Йехудит» (отделившаяся от правого «Национального союза» в 2012 г. в виде «Оцма ле-Израэль») в некоторых идеологических аспектах сохраняют связь с религиозным сионизмом, появившимся ещё в догосударственный период. Сформировавшаяся в 1902 г. «Мизрахи» в 1956 г. объединилась с «Ха-Поэль ха-Мизрахи» (созданной в 1922 году) в партию МАФДАЛ, игравшую достаточно существенную роль в израильской политической системе до прекращения своего самостоятельного существования в 2008 г. и слияния с рядом других правых партий в «Еврейский дом». В 2019 г. «Еврейский дом» участвовал в выборах в Кнессет единым списком с «Религиозным сионизмом» и «Оцма Йехудит» (в виде «Союза правых партий»), позднее же сошёл с политической сцены. Исторически для религиозного сионизма было ха-

рактрно сочетание идей еврейского национализма и иудейской традиции [Звягельская 2012: 29, 75–76].

«Религиозный сионизм» и «Оцма Йехудит» находятся правее МАФДАЛ на израильском политическом спектре и разделяют гораздо более радикальные идеи. Так, «Оцма Йехудит» во многом является идеологической наследницей движения «Ках»¹¹, признанного в Израиле расистским и экстремистским. Крайне националистические взгляды партий Бецалеля Смотрича и Итамара Бен-Гвира сочетаются с популистской риторикой и в этом смысле имеют достаточно много общего с позициями всего израильского правого лагеря. Некоторые из предлагаемых ими решений заявленных проблем, однако, зачастую являются гораздо более радикальными.

Программа «Религиозного сионизма» включает намерение бороться с иммиграцией неевреев в Израиль, реформировать Верховный суд, реализовывать «ценности и политику» правого лагеря «в сочетании с углублённой приверженностью принципам демократии и врождённому еврейскому характеру Государства Израиль». Первая из упомянутых задач предполагает отмену пункта о внуках Закона о возвращении, который, согласно программе партии, «создал брешь в системе, которая позволила тысячам неевреев эмигрировать в Израиль»¹². Этот пункт используется преимущественно (хотя и не исключительно) евреями, которые являются выходцами из постсоветского пространства и значительная часть которых имеет светскую, а не религиозную еврейскую идентичность¹³. Таким образом партия пытается ограничить круг

евреев, имеющих право на израильское гражданство, исключительно теми, кто является таковым согласно Галахе (то есть рождённым еврейской матерью и не перешедшим в другую религию). С другой стороны, стремление ограничить действие данного закона характерно и для других израильских религиозных партий¹⁴.

Особое место в программе «Религиозного сионизма» занимает реформирование израильского Верховного суда, который «в последние годы ... неоднократно пользовался своим положением и наносил ущерб выраженному еврейскому характеру публичной сферы в Государстве Израиль, чрезмерно вмешиваясь в прерогативу законодательной власти принимать законы и нарушая доминирующей “статус-кво”»¹⁵. Партийная риторика, направленная против него, носит явный и однозначный антиэлитистский характер. Судьи, согласно платформе «Религиозного сионизма», «не отражают волю народа, что приводит к элитистской, наделённой широкими полномочиями судебной системе, которая навязывает свою волю остальной стране с абсурдными и болезненными последствиями»¹⁶. Государственные структуры обвиняются в игнорировании интересов общества: «На протяжении многих лет левые систематически получали контроль над неизбираемыми правительственными центрами власти, наполняли их своим жаргоном и мировоззрением и превращали их в центр тяжести для принятия решений»¹⁷. При этом «ключевым для преодоления этих проблем», по мнению партии, «является восстановление сдержек и противовесов и предоставление народу возможности снова контролировать

¹¹ *Linti P.* Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23).

¹² Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹³ *Ravitsky Tur-Paz S., Gordon G.* Coalition Agreements of the 37th Government: Amending the Grandchild Clause of the Law of Return [Электронный ресурс] // IDI. 30.12.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47418> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁴ *Op. cit.*

¹⁵ Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁶ *Op. cit.*

¹⁷ *Op. cit.*

принятие решений и определение политики через своих избираемых лидеров и механизмы демократии»¹⁸. Получается, что позиция религиозных сионистов не является принципиально антидемократической. Они лишь рассматривают демократию как возможность реализации интересов большинства без ограничений, накладываемых в том числе судебной системой, одной из задач которой является защита прав меньшинств (то есть реализуемой в виде мажоритарной демократии).

Если в программе «Религиозного сионизма» присутствуют элементы эксклюзивной популистской риторики, то «Оцма Йехудит» возводит её в абсолют. Она не просто разделяет население на лояльное и нелояльное, но и предлагает стимулировать эмиграцию «врагов Израиля». Под эту формулировку попадает любой, кто «способствует нанесению вреда Государству Израиль, его безопасности, евреям внутри него и ... действует вопреки ценностям еврейского государства»¹⁹. Помимо арабского населения, которое воспринимается партией как «демографическая угроза»²⁰, это определение в силу его расплывчатости потенциально охватывает всех, кто по каким-то причинам не согласен с политикой государства.

Предвыборная платформа «Оцма Йехудит» среди прочего включает тезис о том, что партия «не хочет потерять еврейское государство из-за войны, мира или западной демократии»²¹. При этом нельзя сказать, чтобы она была принципиально антидемократической, хотя она определённо включает антилиберальные элементы. «Оцма Йехудит» не выступает против демократии как таковой, но считает сохранение

еврейского характера государства гораздо более важным, чем «универсальные ценности». Эта партия, как и «Религиозный сионизм», ставит в центр своей идеологии этнорелигиозную идентичность, отодвигая гражданскую на второй план. При этом «Оцма Йехудит» не стремится к саботажу государствообразующих институтов. Так, она рассматривает армию как одну из ключевых структур, солдатам которой необходимо вернуть «безопасность и силу сдерживания»²².

В то время как европейские популисты, по утверждению российского исследователя Г.И. Вайнштейна, «добиваются всё большего успеха в давлении на системные партии, заставляя их не только прибегать к чисто внешнему заимствованию популистской риторики, но и перехватывать у своих популистских оппонентов и интегрировать в собственную политику существенные элементы популистских программ» [Вайнштейн 2017: 76], умеренно правые популистские партии в Израиле – как, например, «Ликуд», – фактически являющиеся системными, оказываются под влиянием риторики крайне националистических партий, в частности «Религиозного сионизма», что приводит к дальнейшему сдвигу израильского политического спектра «вправо».

Впрочем, в Израиле не только для правых партий характерно включение популистских элементов в свою риторику. Эта особенность, по оценкам некоторых исследователей, также является одним из свойств центристской партии «Еш Атид» [Weiss Yaniv, Tenenboim-Weinblatt 2017: 207–220], одной из крупнейших на начало

¹⁸ Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁹ The Platform of Otzma Yehudit (Jewish Strength) [Электронный ресурс] // Otzma Yehudit. URL: <https://otzma-yeudit.com/the-platform-of-otzma-yehudit-jewish-strength/> (дата обращения: 21.09.23).

²⁰ Op. cit.

²¹ Op. cit.

²² Op. cit.

²³ Самарская Л.М. Новое правительство Израиля: перспективы выхода из затяжного внутривнутриполитического кризиса [Электронный ресурс] // РСМД. 18.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-pravitelstvo-izrailya-perspektivy-vykhoda-iz-zatyazhnogo-vnutripoliticheskogo-krizisa/> (дата обращения: 21.09.23).

2020-х годов, которая играет заметную роль в упомянутом кризисе. Отличительными чертами центристских партий в Израиле долгое время были относительная неустойчивость и недолговечность. Ситуация изменилась в 2010-х годах: по оценке израильского исследователя Реувена Хазана, перемены были связаны с ростом актуальности социально-экономических вопросов для населения, что привело к формированию «Еш Атид» (2012) и «Кулану» (2014) [Hazan 2021: 354]. Последняя, впрочем, в 2020 г. вошла в «Ликуд», членом которого и был её глава Моше Кахлон с 2003 по 2013 год. Однако «Еш Атид» оказалась гораздо более успешной: в 2021 г. она стала второй по количеству мест в Кнессете и в итоге смогла сформировать коалицию Беннета–Лапид (самую разнородную в израильской истории)²³, которая функционировала до 2022 г. Бессменный лидер «Еш Атид» Яир Лапид был премьер-министром Израиля с июня по декабрь 2022 г.

Таким образом, подавляющее большинство доминирующих в публичном дискурсе израильских партий (за редким исключением²⁴) имеют явные популистские черты. Д. Филк объясняет превалирование популизма в политике государства тем, что «конфликты относительно включения/исключения подчинённых социальных групп отличали израильское общество с момента его возникновения» [Filc 2019: 393]. По его словам, «в разделённом обществе обозначение “народ” стало ключевым ориентиром для выстраивания политической идентичности, а популизм – главной чертой политической системы» [Filc 2010: 2].

Принципиальным для израильских крайне правых является постоянное и акцентированное обращение к дихотомии «мы» – «они»: «мы» – евреи, иудеи(!), сио-

нисты, правые, «народ»; «они» – неевреи, неиудеи/светские, постсионисты, левые, «элита». Во многом это разделение отражает и без того существующие различия, но, помимо этого, инструментализирует их, даже если часть лидеров популистских партий искренне являются сторонниками своей идеологии. С другой стороны, подобная принципиальность существенно ограничивает их способность идти на компромиссы. Так, израильские крайне правые практически полностью исключают участие в коалиции в союзе со «сторонниками террора», которыми они называют представителей арабских партий – членов Кнессета.

Кризис израильской политической системы

Израильская политическая нестабильность сопровождается достаточно серьёзным кризисом сионистской идентичности, разрешение которого различные социально-политические силы видят по-разному. Если правый лагерь делает акцент на еврейском характере государства, то левый и центристский – на демократическом. В рамках подобного процесса неизбежно появление акторов с крайними взглядами, которые могут предлагать решения разной степени радикальности. Политический кризис в этом смысле оказывается отражением этих процессов и наиболее ярко демонстрирует те линии разлома, что существуют в современном израильском обществе.

В результате израильская политическая система оказывается ареной для противостояния сил, которые по-разному понимают сущность демократии. Каждая из сторон при этом обвиняет другую в попытке установить диктатуру или же совершить государственный переворот – со стороны судебной или же законодательной власти²⁵.

²⁴ Подобным исключением, вероятно, является «Государственный лагерь», ныне вполне конкурирующий по уровню популярности с «Ликудом» и даже обходящий «Еш Атид». Влияние и значимость левых партий в Израиле на данном этапе находятся на спаде. Подробнее см.: *Lintl P.* Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23).

²⁵ Simcha Rothman: Everyone understands there is a need for judicial reform [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. 24.02.2023. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/article-732567> (дата обращения: 21.09.23).

Подобные популистские заявления, противопоставляющие «нас» и «их», приводят лишь к усилению конфликтогенности в обществе в сложной политической обстановке. Общественные настроения относительно перспектив и демократического правления, и национальной безопасности остаются крайне пессимистичными: оптимизм респондентов по поводу первого показателя не превышает 50% с 2019 года, второго же – 55% с середины 2021 года²⁶. Помимо этого, подобный градус противоречий привел к тому, что 42,5% израильтян (участвовавших в январском опросе Израильского института демократии) посчитали напряжённость в отношениях между правыми и левыми силами наибольшей по сравнению с другими социальными группами, что стало самым высоким показателем за более чем десятилетний период. На этом фоне даже трения в отношениях арабов и евреев, а также светских и религиозных групп отходят на второй план²⁷, хотя в полной мере все эти противоречия не могут быть разделены.

В стране существуют и экономические проблемы, которые зачастую беспокоят население больше, чем разнообразные политические соображения. Согласно опросу, который был проведён летом 2022 года, для 44% израильтян программа партии по вопросам экономики и высокой стоимости жизни являлась наиболее серьёзным фактором, который мог повлиять на их электоральное поведение. При схожей картине на большей части политического спектра исключением

в этом смысле стали сторонники партий «Яхадут ха-Тора», ШАС и «Религиозный сионизм», для которых приоритетным пунктом были отношения религии и государства – такая позиция оказалась характерна почти для половины опрошенных (а в случае «Яхадут ха-Тора» – более 50%)²⁸.

Феномен роста популярности правого популизма в Израиле во многом стал следствием разочарования в переговорном процессе как способе решения палестино-израильского конфликта. Ни Соглашения Осло²⁹, ни последующие договорённости оказались не в состоянии привести к установлению долгосрочного и стабильного мира. По мнению американского исследователя Дова Уаксмана, «сила национального религиозного поселенческого движения и продолжающийся израильский контроль над палестинским населением на Западном берегу, которое не имеет доступа к израильскому гражданству и, таким образом, права голосовать на израильских выборах, усиливает нелиберальные, анти-демократические тенденции в Израиле» [Waxman 2016: 362]. К тому же демографический перевес находится на стороне правого лагеря³⁰. Дополнительное влияние на рост популярности правых партий могла оказать волна террора, которая началась в первой половине 2022 г. и привела к 29 жертвам в течение только 2022 года (по данным израильского министерства иностранных дел)³¹. Катализатором стал и затяжной политический кризис, который в условиях разочарования в электоральных

²⁶ Hermann T., Anabi O. Low Prospects for a Compromise Between Opposition and Coalition. Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 09.05.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/49250> (дата обращения: 21.09.23).

²⁷ Hermann T., Anabi O. Overhauling the Judicial System – What Do Israelis Think? Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 03.02.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47607> (дата обращения: 21.09.23).

²⁸ Hermann T., Anabi O. Israelis Say They Base Their Vote on Party's Economic Platform. Israel Democracy Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 07.08.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/39510> (дата обращения: 21.09.23).

²⁹ Соглашения Осло – соглашения между Израилем и ООП, заключённые в 1990-х годах. Их целью должно было стать урегулирование палестино-израильского конфликта и создание палестинского государства.

³⁰ Lintl P. Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23)

³¹ Wave of Terror 2015–2023 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.gov.il/en/departments/general/wave-of-terror-october-2015> (дата обращения: 21.09.23)

институтах³² мог породить стремление голосовать не за наиболее крупные партии, которые оказались неспособны разрешить накопившиеся проблемы, а за относительно маргинальные движения.

При этом в 2019–2022 годах на традиционное разделение (левые – правые) израильского политического спектра наложилось новое: приемлемость фигуры Биньямина Нетаньяху в роли премьер-министра, что создало лагерь его противников («только не Биби») и сторонников («только Биби»). Это было связано с предьявленными ему в конце 2019 г. обвинениями во взяточничестве, мошенничестве и злоупотреблении общественным доверием в рамках трёх уголовных дел. Если центристы и левые заняли относительно единую позицию («только не Биби»), то праворелигиозный лагерь оказался расколот: НДИ и часть бывших союзников Биньямина Нетаньяху (в том числе Нафтали Беннет и Гидеон Саар, ставшие в 2021 г. членами правительства Беннета–Лапида) выступили против него. При этом на стороне политика осталась подавляющая часть «Ликуда», ультраортодоксы и некоторые крайне правые партии. В то же время для самих израильтян личность Б. Нетаньяху играла далеко не определяющую роль при выборе электоральных приоритетов, что фактически выводило вопрос приемлемости занятия им должности премьер-министра преимущественно в плоскость политических дебатов³³.

Поляризация израильского политического спектра по принципу отношения к Б. Нетаньяху была одним из тех факторов, которые привели к формированию в конце 2022 г. наиболее правого в израильской истории правительства, в котором «Ликуд» оказался наиболее умеренным элементом. Однако сам факт того, что в него смогли войти ранее маргинальные

партии («Оцма Йехудит», в чуть меньшей степени «Религиозный сионизм»), является ещё одним признаком серьёзного кризиса политической системы еврейского государства. Создание правительства, которое не вызывает доверия значительной части израильского общества, способствует не разрешению, а углублению существующего социально-политического раскола.

Противостояние между левыми и правыми (хотя подобное разделение уже не в полной мере отражает специфику расстановки сил в израильской политической системе) достигло нового уровня в первой половине 2023 года, когда правительство Б. Нетаньяху заявило о намерении провести реформу судебной системы. Её суть заключается в ограничении полномочий Верховного суда (БАГАЦа) и повышении роли Кнессета (а соответственно, и правящей коалиции) в принятии решений. Её сторонники считают, что судебный активизм, ставший следствием «конституционной революции» 1990-х годов, негативно сказывается на законотворческой деятельности и вступает в противоречие с позициями избранных народом парламентариев. Её противники, в свою очередь, опасаются непропорционального снижения роли БАГАЦа, что могло бы привести к разбалансировке системы сдержек и противовесов, а также нанести ущерб израильской демократии и значительно ослабить защиту прав меньшинств. При этом и часть тех, кто высказывается против предложений нынешнего правительства, говорят о необходимости реформирования системы, хотя и выступают за компромисс, приемлемый для всех сторон. Настойчивое же продвижение столь серьёзных изменений вопреки мнению и существенного процента населения, и оппозиционных партий, и даже некоторых членов коалиции лишь

³² *Hermann T., Anabi O.* 39% of Israelis Do Not Trust the Purity of the Knesset Elections. Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 26.10.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/46175> (дата обращения: 21.09.23).

³³ *Самарская Л.М.* Четвёртые внеочередные выборы в Израиле: будет ли разрешён политический кризис? [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 30.03.2021. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/chetviortie-vneocherednie-vibori-v-izraile-budet-li-razreshion-politicheskii-krizis#_ftn3 (дата обращения: 21.09.23).

сильнее подрывает и без того не слишком высокий уровень доверия правительству³⁴.

Между тем тезис праворегигиозного лагеря о том, что он представляет большинство населения, не выдерживает критики даже на основе самого поверхностного анализа. Так, суммарное количество голосов, отданных партиям, вошедшим в правительство, составило чуть меньше половины всех действительных бюллетеней на выборах в конце 2022 года, что соответствует примерно 2 300 000 из 4 700 000³⁵. Помимо этого, даже среди электората, проголосовавшего за коалиционный блок, есть существенный процент несогласных с тем, каким образом правящий кабинет пытался принять закон зимой–весной 2023 года. 60% из них полагают, что необходимо попытаться достичь компромисса по вопросу судебной реформы, хотя подавляющее большинство из них считают её «хорошей» или «очень хорошей» – 64%³⁶.

Все эти данные демонстрируют глубину раскола, характерного для израильского общества на современном этапе, что является благоприятной почвой для развития и дальнейшей нормализации правопопулистской риторики. В рассуждениях партий «национального лагеря» израильская судебная система позиционируется как та враждебная для большинства «элиты», принимающая решения вопреки желанию народа, «сказавшего своё слово»³⁷ – то есть проголосовавшего на парламентских выборах. Дискуссия относительно роли изра-

ильского Верховного суда оказывается вписана в дискурс значительной части вовлечённых в политический процесс движений – и на смену профессиональному и конструктивному диалогу приходят лозунги и бескомпромиссные заявления, лишь усугубляющие сложную социально-политическую ситуацию.

* * *

Популизм, в том числе правый, уже в течение нескольких десятилетий является интегральной частью израильской демократической системы. Это во многом связано с особенностями социально-политического устройства страны: разнообразного этнического, субэтнического, конфессионального состава, широкого спектра религиозных и светских групп – что создаёт условия, способствующие политизации различных идентичностей, а также использованию и углублению тех расколов, которые существуют в обществе. В результате возникает гибридный инклюзивно-экссклюзивный популистский дискурс, который используется, с одной стороны, для противопоставления «чужим» (как правило, израильским арабам/палестинцам, хотя в эту категорию входят и иммигранты-неевреи), а с другой – для политической мобилизации субэтнических еврейских групп. Последнее осуществляется по принципу региона или страны происхождения, что затрагивает мизрахим и русскоязычных евреев – выходцев из СССР.

³⁴ Самарская Л.М. Судебная реформа в Израиле: политический кризис продолжается [Электронный ресурс] // РСМД. 31.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sudebnaya-reforma-v-izraile-politicheskiy-krizis-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 21.09.23).

³⁵ 25-ה בחירות לכנסת של הציבור האזרחי. [Тоцаот ха-эмет шель ха-бехирот ла-Кнесет ха-25.] [Финальные результаты выборов в 25-й Кнесет.] [Электронный ресурс] // 25-ה בחירות לכנסת. [Бехирот ла-Кнесет ха-25.] [Выборы в 25-й Кнесет.] 01.11.2022. URL: <https://votes25.bechirovot.gov.il> (дата обращения: 21.09.23).

³⁶ Hermann T., Anabi O. Overhauling the Judicial System – What Do Israelis Think? Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 03.02.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47607> (дата обращения: 21.09.23).

³⁷ לכל מעיץ הפשרות ההסכמות... [Ле-холь мециэй ха-пшарот ве-ха-хаскамот...] [Всем предлагающим компромиссы и договорённости...] Post by Itamar Ben Gvir [Электронный ресурс] // Twitter. 18.05.2023. URL: <https://twitter.com/itamarbengvir/status/1615713070420054016> (дата обращения: 21.09.23); נציגי יהדות התורה המליצו על "העם אמר את דברו". נתניהו: [Нецигей Яхадут ха-Тора химлицу аль Нетаньяху: «Ха-Ам амар эт дивро».] [Представители «Яхадут ха-Тора» порекомендовали Нетаньяху: «Народ сказал своё слово».] [Электронный ресурс] // שחרות. [Ха-Мехадеш.] 10.11.2022. URL: <https://hm-news.co.il/322540/> (дата обращения: 21.09.23).

Существуют более и менее умеренные партии и движения, использующие подобную риторику. Среди них – и центристская «Еш Атид», и правоцентристский «Ликуд», и правый НДИ, и религиозная ШАС, и крайне правые «Религиозный сионизм» и «Оцма Йехудит», появившаяся в качестве игрока на израильской политической арене относительно недавно, однако зарекомендовавшая себя как один из её наиболее радикальных элементов.

Особенность большинства израильских правопопулистских партий заключается в том, что они не пытаются бороться с демократической системой как таковой и не планируют её разрушать. В то же время они видят демократию в Израиле не так же, как центристы и левые. *Во-первых*, еврейский характер государства для них важнее его демократического устройства. *Во-вторых*, они фактически выступают за мажоритарную демократию с полным исключением какой бы то ни было реализации национальных прав израильских арабов и палестинцев. В качестве значимого шага на этом пути они рассматривают снижение роли неизбираемого Верховного суда и, соответственно, повышение – избираемого Кнессета, что в израильских условиях означает также рост влияния правительства.

Израильский политический кризис, формально закончившийся с успешным формированием нового правительства Б. Нетаньяху в конце 2022 года, на деле продолжился, лишь изменив форму и вылившись в массовые и длительные акции

протеста. Популистский характер заявлений представителей коалиции, объединившихся в борьбе против современной роли израильской судебной системы, отражает специфику входящих в неё партий. Праворелигиозный состав нового кабинета, наличие в нём представителей идеологии поселенческого движения создают условия, в которых «Ликуд» оказывается наиболее умеренным его элементом.

Будучи пропорционально не репрезентативной по отношению и к этноконфессиональной, и к социальной структуре населения страны, коалиция не только не представляет и не реализует интересы и запросы значительной его части, но и вступает с ними в ценностный конфликт. Это во многом является квинтэссенцией тех противоречий, которые существуют и внутри израильского общества в целом, и между различными составляющими его группами, и в полной мере отражает их глубину.

В то время как долгосрочная устойчивость демократической системы Государства Израиль (какую бы форму она ни приняла) не вызывает сомнений, кризис идентичности, разрешение которого каждая категория граждан видит по-своему, и феномен популизма, который является, с одной стороны, интегральной частью политической системы, а с другой – фактором, хотя и не порождающим, но определённо усугубляющим существующие противоречия, представляют для неё серьёзный вызов. Его преодоление окажется, вероятнее всего, длительным и болезненным процессом.

Список литературы

- Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Зелёный дискурс как разновидность нового левого популизма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. №11. С. 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105.
- Блинов В.В. Израильский внутриполитический кризис как следствие разобщённости избирателей в условиях парламентской республики // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. №2. С. 143–154.
- Брилевская Я.С. Демократия по-израильски: есть ли поводы для беспокойства? // *Восточный курьер*. 2023. №2. С. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310026689-5.
- Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. №12. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
- Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2017. №4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
- Звягельская И.Д. *История Государства Израиль*. М.: Аспект Пресс, 2012. 359 с.
- Карасова Т.А., Ханин В.(З.И.) Израильский парламентаризм в XXI в.: электоральный сбой или кризис системы? // *Восток (Oriens)*. 2022. №3. С. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0.

- Осколков П.В.* Правый популизм в Европейском Союзе. М.: Институт Европы РАН, 2019. 164 с.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И.* Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. №3. С. 19–33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Сигачёв М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В.* Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. №3. С. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474.
- Соколыщик Л.М.* Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты // Полис. Политические исследования. 2021. №1. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.
- Соколыщик Л.М.* Мейнстримные и популистские политические стратегии по выходу из системного глобального кризиса: случай США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. №4. С. 73–95. DOI: 10.31857/S268667300014340-4.
- Al-Haj M.* Identity Patterns among Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. Ethnic Formation // International Migration. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 49–70. DOI: 10.1111/1468-2435.00190.
- Bartels L.M.* Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe. Princeton: Princeton University Press, 2023. 270 p.
- Barzilai G., Shain Y.* Israeli Democracy at the Crossroads: A Crisis of Non-governability // Government and Opposition. 1991. Vol. 26. No. 3. P. 345–367. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1991.tb01146.x.
- Ben-Porat G., Filc D.* Remember to be Jewish: Religious Populism in Israel // Politics and Religion. 2022. No. 15. P. 61–84. DOI: 10.1017/S1755048320000681.
- Canovan M.* Populism for political theorists? // Journal of Political Ideologies. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 241–252. DOI: 10.1080/1356931042000263500.
- Canovan M.* Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47. No. 1. P. 2–16. DOI: 10.1111/1467-9248.00184.
- Chowers E.* Israel and Its Doppelgänger: Reflections on Regime Change // Israel Studies. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.2979/is.2023.a903070.
- Filc D.* Populism in the Middle East // Handbook on Global Populism / ed. By C. de la Torre. London: Routledge, 2019. P. 385–401.
- Filc D.* The Political Right in Israel: Different Faces of Jewish Populism. New York: Routledge, 2010. 168 p.
- Hazan Y.R.* Parties and the Party System of Israel // The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society / ed. by R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat. New York: Oxford University Press, 2021. P. 351–366. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.21_update_001.
- Jansen R.S.* Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism // Sociological Theory. 2011. Vol. 29. No. 2. P. 75–96. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2011.01388.x.
- Laclau Ernesto.* On Populist Reason. London: Verso, 2005. 276 p.
- Leslie J.G.* Netanyahu's Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy // SAIS Review of International Affairs. 2017. Vol. 37. No. 1. P. 75–82. DOI: 10.1353/sais.2017.0006.
- Maor M., Sulitzeanu-Kenan R., Chinitz D.* When COVID-19, constitutional crisis, and political deadlock meet: the Israeli case from a disproportionate policy perspective // Policy and Society. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 442–457. DOI: 10.1080/14494035.2020.1783792.
- March L.* Left and Right Populism Compared: The British Case // The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1177/1369148117701753.
- March L., Mudde C.* What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation // Comparative European Politics. 2005. No. 3. P. 23–49. DOI: 10.1057/palgrave.cer.6110052.
- Mark M.* From Rule of Law to the Law of the Ruler: The Twofold Upheaval of the Israeli Right // Israel Studies. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 4–18. DOI: 10.2979/is.2023.a903079.
- Mudde C.* The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186. DOI: 10.1080/01402382.2010.508901.
- Mudde C.* The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Mudde C., Kaltwasser C.R.* Populism: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2017. 131 p.
- Müller J.-W.* What is Populism? Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 124 p.
- Neuberger B.* From Liberal Democracy to Ethnocracy: Different Conceptions of Israel's Democracy // Handbook of Israel: Major Debates / ed. by E. Ben-Rafael, J.H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. P. 705–740.
- Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy? / ed. by C. Mudde, C.R. Kaltwasser. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 257 p.

- Rivero Á.* Populism and Democracy in Europe // *Routledge Handbook on Global Populism* / ed. by C. de la Torre. New York: Routledge, 2019. P. 281–294.
- Rooduijn M.* What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties // *European Political Science Review*. 2018. No. 10. P. 351–368. DOI: 10.1017/S1755773917000145.
- Shapira A.* Political History of Israel // *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society* / ed. by R.Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat. New York: Oxford University Press, 2021. P. 73–88. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.5.
- de la Torre C.* Global Populism: Histories, Trajectories, Problems, and Challenges // *Routledge Handbook on Global Populism* / ed. by C. de la Torre. New York: Routledge, 2019. P. 1–27.
- Smaoha S.* Israeli Democracy: Civic and Ethnonational Components // *Handbook of Israel: Major Debates* / ed. by E. Ben-Rafael, J. H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. P. 672–690.
- The Elections in Israel, 2019–2021 / ed. by M. Shamir, G. Rahat. London: Routledge, 2022. 306 p.
- Waxman D.* Is Israeli Democracy in Danger? // *Current History*. 2016. Vol. 115. No. 785. P. 360–362. DOI: 10.1525/curh.2016.115.785.360.
- Weiss Y.N., Tenenboim-Weinblatt K.* Israel: Right-Wing Populism and Beyond // *Populist Political Communication in Europe* / ed. by T. Aalberg, F. Esser, C. Reinemann, J. Strömbäck, C.H. de Vreese. New York: Routledge, 2017. P. 207–220.
- Yiftachel O.* *Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine*. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2006. 350 p.

POLITICAL CRISIS AND RIGHT-WING POPULISM

ISRAEL AS A CASE STUDY

LIUDMILA SAMARSKAIA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The Israeli democratic system is facing a serious crisis. After five rounds of parliamentary elections within three and a half years, Benjamin Netanyahu was able to forge a relatively strong coalition in late 2022. The political instability, however, did not end and instead morphed into widespread protests against the new cabinet seeking to pass a judicial reform. The meltdown is accompanied by incessant populist rhetoric stemming from Israeli right-wing parties which formed the coalition. Populism is inherent in a great number of countries around the globe. Israel is no exception in this regard. The phenomenon has been gradually taking a central place in its political arena since the 1970s. Currently, most major Israeli parties have certain populist elements in their rhetoric. This is in many ways a consequence of the heterogeneity of Israeli society and a plethora of its intersectoral contradictions. They have constituted an integral part of the state from its inception only to grow deeper. The unresolved Israeli-Palestinian conflict is an additional contributing factor. Right-wing populist parties possess a lot of traits that resemble similar movements in other countries, but at the same time are defined by their own specific features. In particular, they often combine inclusionary and exclusionary populism. By “us” these movements imply mainly the

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development. (Agreement № 075-15-2020-783).

Jews and counterpose themselves to the Arab population in the country, as well as non-Jewish migrants. They also prioritize the Jewish character of the state over the democratic one, though without denying the importance of democratic structures. Concurrently, right-wing populist actors envisage their implementation in a different way. Even if they are not the reason for the parliamentary crisis in Israel, they still exacerbate it instigating further escalation in already considerable intersectoral tensions and narrowing opportunities for dialogue with other political actors.

Keywords:

right-wing populism; democracy; Israel; political crisis; judicial reform

References

- Al-Haj M. (2002). Identity Patterns among Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. Ethnic Formation. *International Migration*. Vol. 40. No. 2. P. 49–70. DOI: 10.1111/1468-2435.00190.
- Bardin A. L., Sigachev M. I. (2020). Zelenyy diskurs kak raznovidnost' novogo levogo populizma [The Green Discourse as a Type of New Left Populism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 11. P. 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105.
- Bartels L. M. (2023). *Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe*. Princeton: Princeton University Press. 270 p.
- Barzilai G., Shain Y. (1991). Israeli Democracy at the Crossroads: A Crisis of Non-governability. *Government and Opposition*. Vol. 26. No. 3. P. 345–367. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1991.tb01146.x.
- Ben-Porat G., Filc D. (2022). Remember to be Jewish: Religious Populism in Israel. *Politics and Religion*. No. 15. P. 61–84. DOI: 10.1017/S1755048320000681.
- Blinov V. V. (2020). Izrail'skiy vnutripoliticheskiy krizis kak sledstvie razobshchennosti izbirateley v usloviyah parlamentskoy respubliki [Israeli Domestic Political Crisis as a Result of Dissolution of Voters in the Conditions of Parliamentary Republic]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 2. P. 143–154.
- Brlivskaya Ya. S. (2023). Demokratija po-izrail'ski: est' li povody dlja bespokojstva? [Democracy in Israel: Are There Any Reasons for Concern?] *Vostochnyj Kur'er*. No. 2. P. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310026689-5.
- Canovan M. (2004). Populism for political theorists? *Journal of Political Ideologies*. Vol. 9. No. 3. P. 241–252. DOI: 10.1080/1356931042000263500.
- Canovan M. (1999). Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. *Political Studies*. Vol. 47. No. 1. P. 2–16. DOI: 10.1111/1467-9248.00184.
- Chowers E. (2023). Israel and Its Doppelgänger: Reflections on Regime Change. *Israel Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.2979/is.2023.a903070.
- Filc D. (2019). Populism in the Middle East. In C. de la Torre (ed.) *Handbook on Global Populism*. London: Routledge, 2019. P. 385–401.
- Filc D. (2010). *The Political Right in Israel: Different Faces of Jewish Populism*. New York: Routledge. 168 p.
- Hazan Y. R. (2021). Parties and the Party System of Israel. In R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat (eds.) *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society*. New York: Oxford University Press. P. 351–366. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.21_update_001.
- Jansen R. S. (2011). Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 2. P. 75–96. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2011.01388.x.
- Karasova T. A., Khanin V. (Z.) (2022). Izrail'skiy parlamentarizm v XXI v.: elektoral'nyy sboj ili krizis sistemy? [Israeli Parliamentarism in XXI Century: Electoral Failure or System Crises?]. *Vostok (Oriens)*. No. 3. P. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0.
- Laclau E. (2005). *On Populist Reason*. London: Verso. 276 p.
- Leslie J. G. (2017). Netanyahu's Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy. *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 37. No. 1. P. 75–82. DOI: 10.1353/sais.2017.0006.
- Maor M., Sulitzeanu-Kenan R., Chinitz D. (2020). When COVID-19, constitutional crisis, and political deadlock meet: the Israeli case from a disproportionate policy perspective. *Policy and Society*. Vol. 39. No. 3. P. 442–457. DOI: 10.1080/14494035.2020.1783792.
- March L. (2017). Left and Right Populism Compared: The British Case. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1177/1369148117701753.
- March L., Mudde C. (2005). What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation. *Comparative European Politics*. No. 3. P. 23–49. DOI: 10.1057/palgrave.cmp.6110052.
- Mark M. (2023). From Rule of Law to the Law of the Ruler: The Twofold Upheaval of the Israeli Right. *Israel Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 4–18. DOI: 10.2979/is.2023.a903079.

- Mudde C. (2010). The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186. DOI: 10.1080/01402382.2010.508901.
- Mudde C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press. 131 p.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (eds.). (2012). *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy?* Cambridge: Cambridge University Press. 257 p.
- Müller J.-W. (2016). *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 124 p.
- Neuberger B. (2016). From Liberal Democracy to Ethnocracy: Different Conceptions of Israel's Democracy. In E. Ben-Rafael, J. H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner (eds.) *Handbook of Israel: Major Debates*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. P. 705–740.
- Oskolkov P. V. (2019). *Pravyi populizm v Evropeyskom Soyuze* [Right-Wing Populism in the European Union]. Moscow: Institut Evropy RAN. 164 p.
- Oskolkov P. V., Tevdoy-Burmulı A. I. (2018). Evropeyskiy pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European Right-Wing Populism and Nationalism: The Question of Functionality Relationship]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Rivero Á. (2019). Populism and Democracy in Europe. In C. de la Torre *Routledge Handbook on Global Populism*. New York: Routledge. P. 281–294.
- Rooduijn M. (2018). What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties. *European Political Science Review*. No.10. P. 351–368. DOI: 10.1017/S1755773917000145.
- Shapira A. (2021). Political History of Israel. In R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat (eds.) *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society*. New York: Oxford University Press. P. 73–88. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.5.
- de la Torre C. (2019). Global Populism: Histories, Trajectories, Problems, and Challenges. In C. de la Torre (ed.) *Routledge Handbook on Global Populism*. New York: Routledge. P. 1–27.
- Shamir M., Rahat G. (eds.) (2022). *The Elections in Israel, 2019–2021*. London: Routledge. 306 p. DOI: 10.4324/9781003267911.
- Sigachev M. I., Sleptsov E. S., Fadeev E. V. (2020). Novyy pravyy populizm: tendentsii i perspektivy na primere ryada evropeyskikh gosudarstv (Italii, Frantsii, Germanii, Avstrii) [New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seria: Politologiya*. Vol. 22. No. 3. P. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474.
- Smooha S. (2016). Israeli Democracy: Civic and Ethnonational Components. In E. Ben-Rafael, J.H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner (eds.) *Handbook of Israel: Major Debates*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. P. 672–690.
- Sokolshchik L. M. (2021). Amerikanskiy konservativizm i vyzov populizma: teoreticheskiy i ideologicheskiy aspekty [American Conservatism and the Challenge of Contemporary Populism: Theoretical and Ideological Aspects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.
- Sokolshchik L. M. (2021). Meynstrimnye i populistskie politicheskie strategii po vykhodu iz sistemnogo global'nogo krizisa: sluchay SShA [Mainstream and Populist Political Strategies to Emerge from the Global Systemic Crisis: The Case of the United States]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*. Vol. 51. No. 4. P. 73–95. DOI: 10.31857/S268667300014340-4.
- Vainshtein G. I. (2013). Populizm v sovremennoy Evrope: novye tendentsii [Populism in Contemporary Europe: New Trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 12. P. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
- Vainshtein G. I. (2017). Sovremennyy populizm kak ob'ekt politologicheskogo analiza [Modern Populism as a Subject of Political Science]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 4. P. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
- Waxman D. (2016). Is Israeli Democracy in Danger? *Current History*. Vol. 115, No. 785. P. 360–362. DOI: 10.1525/curh.2016.115.785.360.
- Weiss-Yaniv N., Tenenboim-Weinblatt K. (2017). Israel: Right-Wing Populism and Beyond. In T. Aalberg, F. Esser, C. Reinemann, J. Strömbäck, C. H. de Vreese (eds.) *Populist Political Communication in Europe*. New York: Routledge. P. 207–220.
- Yiftachel O. (2006). *Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine*. Philadelphia: Pennsylvania University Press. 350 p.
- Zvyagel'skaya I. D. (2012). *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [The History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt Press. 359 p.